

Любить и помнить

В филологической науке есть такой метод, как максимально глубокий анализ значений одного слова. Если кто-то возьмётся за докторскую диссертацию, например, о слове «любовь», я посоветую ему принять во внимание не только сериалы и гляцевые журналы. Чего уж проще - взять несколько фронтовых писем и попытаться понять значение всего одного слова...

Поэт пишет Поэту, на грани жизни и смерти мужчина пишет женщине, пишет о любви. Спустя десятилетия, когда этих людей уже давно нет среди нас, попытаемся узнать чуть больше того, что говорят нам школьные учебники.

С поэтом Сергеем Наровчатовым Ольга Берггольц познакомились в июне 1940 года в Коктебеле, в доме Волошина. Ей тридцать лет, она уже давно окончила Ленинградский университет, поработала в Казахстане (разъездной корреспондент краевой газеты «Советская степь»), и снова в Ленинграде (редактор комсомольской страницы в многотиражке завода «Электросила»), издала несколько стихотворных сборников и книг для детей. Как вспоминали современники, это было «чистое, доверчивое существо, с сияющими глазами, обаятельный сплав женственности и размашистости, острого ума и ребячьей наивности».

А в глазах у «наивной женщины», приехавшей в Крым, вселенская грусть и скорбь: в декабре 1938 года Ольгу Берггольц по ложному обвинению отправили в тюрьму и только в июне 1939 выпустили на свободу. Когда её арестовывали, она ждала ребёнка, но из-за пыток ему не суждено было увидеть белый свет. Расстрелян первый муж Борис Корнилов, умерла младшая дочь Майя, а затем и старшая – Ира...

Сергею Наровчатову 21 год, он недавний студент Московского института истории, философии и литературы. Но юность порой обманчива на вид: Сергей вместе с родителями подростком оказался на Колыме, в магаданской тайге в 16 лет убил медведя. А ещё он пошёл добровольцем

на войну с Финляндией. И его первые стихи были о той «незнаменитой войне»...

Когда-то в детстве Наровчатов уже был в Коктебеле. По-мальчишески познакомился тогда здесь со знаменитыми поэтами, с революционными активистами из Германии, Венгрии, Испании. А вот теперь встреча с Ольгой...

«У незнакомки были светло-льняные волосы, показавшиеся мне выгоревшими, но лицо её ещё не тронул южный загар, и, значит, она привезла их такими с севера. И уж, конечно с севера привезла она свои глаза, тоже лён, но не жёлтый, голубой. Впрочем, это было впечатлением лишь от цвета глаз, а так они были прозрачны до самого дна. Взгляд их был прям, обнажён и бесстрашен до отчаяния»¹. Такой была Ольга Берггольц в то лето, такой запомнил её Сергей Наровчатов (он скажет позднее: «Знакомство, начавшееся под репродуктором, сообщавшем: «Немецкие войска вошли в Париж»).

О днях того лета Ольга Берггольц написала в стихотворении «Ласточки над обрывом»:

Как обрадовалась я твоему прикосновенью,
Ласточка, судьба моя, трепет, дерзость, искушенье!
Точно встала я с земли, снова миру улыбнулась.
Точно крылья проросли там, где ты крылом коснулась².

«И вот грянуло 22 июня, рассёкшее жизнь каждого из нас на две части. Долго спустя мы будем мерить назначенный нам путь бытия двумя мерками «до» и «после». Наши дочери и сыновья не знают этого деления и, даст бог, не узнают его никогда. Война разметала всех нас в разные стороны»³, — напишет много лет спустя Наровчатов.

Ольга Берггольц осталась в осаждённом Ленинграде. В ноябре 1941 с тяжело больным мужем её должны были эвакуировать, но Николай Молчанов умер... Тогда Ольга пошла в Союз писателей к Вере Кетлинской и спросила, чем она может быть полезна. Кетлинская направила Берггольц в распоряжение литературно-драматической редакции радио. И совсем

скоро тихий голос Ольги стал голосом долгожданного друга в полумёртвых блокадных ленинградских домах, стал голосом самого Ленинграда. Это превращение показалось едва ли не чудом: из автора мало кому известных детских книжек и стихов, про которые говорилось «это мило, славно, приятно - не больше», Ольга Берггольц вдруг стала поэтом, олицетворяющим стойкость Ленинграда: именно её голос возвещал на весь мир то, что город жив и борется.

Сергей Наровчатов с июля 1941 года воевал в истребительном батальоне комсоргом, а осенью по решению главного политуправления Красной Армии его перевели в редакции газеты 13-й армии «Сын Родины» (Брянский фронт). Наровчатов писал: «Я помню страшные дороги отступления – мы прошли их с Михаилом Лукониным, выходя из окружения брянскими лесами и орловскими нивами в 1941 году»⁴. Есть упоминание о тех днях и в книге Наровчатова «Мы выходим в жизнь»: «Заснеженное поле ... 10 октября 1941 года. Первый мокрый снег упал на Брянщину, и на нём наши шинели выделяются как напоказ: бей, не хочу! И по нам бьют прицельно, не спеша, на выбор <...> Мы окруженцы, и нам предстоит пройти 600 вёрст, пока мы не минуем вражеские посты. И все шестьсот – шаг в шаг, плечом к плечу с Лукониным. Бои под Ельцом, Ливнами, Верховьем – вместе»⁵.

А Михаил Луконин в своих воспоминаниях писал так: «Мы пошли за красным околышем батальонного комиссара, из шестидесяти нас осталось двадцать, потом в схватках и дальше таяла наша группа. В одном месте немцы ещё раз окружили нас, схватили за руки комиссара, и он успел выстрелить в себя.

Эта осень была прощанием с юностью <...> Наши полегли длинной дорогой из окружения, а мы всё-таки вышли к Ельцу – я и Серёжка <...> Нас посадили в сарай с соломой и каждый день вызывали на допрос:

- Почему остались живы?.. Где были целый месяц?.. Как это он застрелился, трус! – кричали они про нашего бывшего редактора <...>

- Редакция от вас отказалась. Редактор сказал, что ему не нужны окруженцы, - говорили нам.

После четырёхсоткилометрового бега через Брянские леса это было тяжёлым ударом. Сергей таращил свои голубые глаза и не верил происходящему.

Ребята из редакции выручили нас. Они заставили нового редактора взять нас снова в газету. Но с первого дня в редакции мы вдвоем почувствовали себя чужими»⁶.

У Михаила Луконина есть стихотворение «В Ельце» (1941) – о том, как шли бои за город. У Сергея Наровчатова - «В те годы», «Отступление» («Из Трубчевска беженцы бежали большаком, просёлками, стернёю...»), «Осень», «В кольце», «Облака кричат» («По земле позёмкой жаркий чад. Стонет небо, стон проходит небом!»), «Письмо о письме» («И снова над Ливнами рушатся ливни, звонкие, майские, рвутся в строку...»).

На фронте Наровчатов пытается связаться с Ольгой. «Зимой 1942 года из-под Ливен я послал наудачу письмо в блокированный Ленинград. В него я вложил стихи, написанные незадолго перед тем. «Запоминал над деревнями пламя, и ветер, разносивший жаркий прах, и девушек, библейскими гвоздями распятых на райкомовских дверях». Всё это действительно было пережито нами, когда мы вместе с Михаилом Лукониным выходили из окружения Брянскими лесами. Письмо пересекло блокаду — чудо, но это так! — и я получил ответ, положивший начало переписке»⁷.

Не зимой 1942 года, как пишет в воспоминаниях Наровчатов, а весной, 25 апреля 1942 года им было послано первое письмо⁸. Это не просто письма, а письма с фронта, в которых факты, мысли и чувства сконцентрированы до предела, потому что автор их всегда помнил, что следующего письма может и не быть, знал, что они не всегда доходят до адресата, тем более если идут через блокадное кольцо. Поэтому в письмах случаются и повторы, поэтому в них сразу обо всём: о военных буднях, дорогие сведения о себе и много поэзии.

Письма Сергея Наровчатова переполнены стихами, рождёнными сразу после боёв. На фронте шло его становление как поэта, здесь были созданы его лучшие стихи. И в письмах к Ольге Берггольц эти строки

представлены в своём первоизданном виде, только что вышедшие из-под пера.

Действ, армия 25/IV — 1942 г.

Оленька!

Писал тебе. Получила ли ты мою открытку? Я седьмой месяц на фронте. Видел столько, что на 20 лет вперед хватит. Вот один месяц из прожитых мной:

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжѐнных сел, казнѐнных городов,
Сквозь черный плен земли своей родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал: над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

***Запоминал: как грабили, как били,
Глумились как, громили второпях,
Как наши семьи в рабство уводили
И наши книги жгли на площадях.***

***И был разор. И все бесчинства метил
Паучий извивающийся знак.
И виселицы высились. И дети
Повешенных старели на глазах.***

***Старухи застывали на порогах
И взглядывались, тѐмны и строги,
— Российские исконные дороги***

Немецкие топтали сапоги⁹.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал,

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный!
Которой мезтью мстить мне за тебяз?!?

Всё написанное здесь — сам видел и пережил. Немцев мало сказать — ненавижу, когда думаю или говорю о них, пятки трясутся от злобы. Я их трижды ненавижу — как русский, как коммунист и как человек <...> Вместе со мной, с первых дней войны мой старьй товарищ — Михаил Луконин, человек смелости безупречной и прекрасного и возвышенного образа мыслей, как выразились бы наши прадеды. Из серьёзных боёв, которые я прошёл, назову бои под Брянском и под Ельцом. Тебяз я помню и люблю неизменно. Помню тебяз —

Где солнце в полнеба, где воздух как брага,
Где врезались в солнце зубцы Кара-Дага,
Где море легендой Гомеровой брошено,
Ковром киммерийским у дома Волошина!

Милое твоё лицо и сейчас передо мной. Сколько я хорошего у тебяз взял, Оленька! Большая война идёт. Россию отстаиваем, коммунизм утверждаем... Мы победим, во что бы то ни стало. В войне с саламандрами победят люди. Тогда мы снова вернемся в свои освещённые праздничные города и... Тогда мы встретимся, Оленька, и многое-премное расскажем друг другу.

Пиши мне. Я знаю, как трудно вам в осажденном городе. Но ленинградцы становятся легендой, и о вас уже сейчас слагают песни.

Я верю и знаю свою Ольгу. Оставайся такой же, какой я тебя знал, моя чудесная. Целую тебя горячо

Сергей.

В блокадном городе Берггольц написала поэму «Февральский дневник». Весной 1942 года, когда Ольге удалось прилететь в Москву из осаждённого Ленинграда, она передала поэму родителям Наровчатова, не рискуя пересылать её почтой на фронт. Видимо, её приезд в Москву и стал точкой отсчёта для возобновления переписки двух поэтов.

29/IV - 42 г.

Оленька!

Твоё письмо потрясло меня. Земной поклон тебе и твоему Городу. Мне трудно писать — так я ошеломлен тобой. Знаешь ли сама — что ты? Ты снова уехала туда. Я руку закусил, когда прочел, в глазах темно стало. И все-таки это правильно, справедливо. Красивая ты моя! Сейчас, что ни день — то лист из книги Бытия. Всю меру древнего горя испытали мы и прибавили к нему своё.

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжѐнных сел, казненных городов...

(Далее повторено стихотворение из первого письма. - А.К.).

Здесь нет ни одной строки — заживо не виденной, не пережитой. В октябре прошлого немцами, я вспоминал себя в предках времён «Слова» и набега Батыева. В селе Хатунь, где немцы перебили всё население 312 человек от грудных младенцев до стариков только за то, что они русские (об этом было в газетах), где они распяли, да, распяли учительницу и где смерть миновала меня с Лукониным чудом необъяснимым, я узнал настоящее горе и настоящую ненависть.

Что мне сказать о себе сейчас — я живу, я работаю, я на войне, я в партии. О смерти мужа — знаю, что все слова сочувствия будут легковесны

и не нужны. Если бы мы встретились — я бы поцеловал тебя и промолчал бы с тобой ночь. Одно скажу — жалею тебя, Оленька, всем своим сердцем. Я рад, что ты была у родителей и вы понравились друг другу. Они действительно очень хорошие и простые люди и любят меня не меньше, чем я их. Они написали мне, что ты была у них, и добрыми словами говорили о тебе.

Я действительно женился, и у жены недавно родилась дочь. Её назвали Ольгой. Последние дни в ушах звенит одна старая песенка, которую ты как-то напела мне. «Трансвааль» — она сейчас снова живёт, простенькая и горестная. Сейчас трудно писать о своём — происходящее таково, что вся наша жизнь и жизнь нескольких поколений после нас будет определяться им. Больше этого, что мы узнали за год и узнаем ещё в предстоящие год-два, — на наших глазах не произойдет... Я хочу, чтобы ты писала мне. Я люблю тебя, Оля. Люблю. Жду твоих писем. Целую тебя.

Сергей.

Я послал письмо и открытку по твоему старому адресу - мама мне его выслала,— т.к. записную книжку я потерял в одной из передрыг, со мной случившихся. Письма эти, наверно, не дошли. Поздравляю тебя с праздником нашим — 1-м мая.

Адрес — Действ[ующая] армия. 442 полевая почта. Редакция газеты «Сын Родины». Мне.

Когда писались эти строки, Наровчатов, по всей видимости, ещё не прочёл «Февральский дневник». Эта небольшая, всего в несколько страниц поэма дошла до него позже. Можно только представить, какие чувства в его душе рождали эти строки, написанные Ольгой:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой дикою дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли.
Оно другим неведомо пока,
Когда последней коркою делились,
Последнею щепоткой табака:

Когда вели полночные беседы
У бедного и дымного огня,
Как будем жить, когда придёт победа.
Всю нашу жизнь по-новому ценя.

За работу на ленинградском радио, за стихи Ольга Берггольц была награждена орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени... Ей писали многие ленинградцы, бойцы, сдерживавшие бешеный натиск врага на подступах к городу. Но, наверное, особенно дороги были письма с фронта от Сергея Наровчатова.

15/VIII-42 г.

Оля!

Хочу поговорить с тобой. Я тебе писал, но неожиданно для себя переменял адрес и ответных строк от тебя не дождался. А мне хочется говорить с тобой. Твоё апрельское письмо — со мной: это самое сильное из твоих стихотворений. «Февральский дневник» по-настоящему хорош, и я видел, какое впечатление он производит на самых простых людей, и переживал и радовался за него, как за свои стихи. Но письмо твоё — это бессонные ночи, неде[ли], или не помню сколько — поэтому я так о нём говорю.

Я многое хочу сказать тебе, но мысли мешаются — всегда, когда слишком долго не виделись и не говорили, трудно выбрать главное и необходимое. Я знаю, что тебя интересует, что я и как я? И хоть я сам и не считаю это тем, с чего бы следовало начать разговор, я вкратце расскажу тебе все, что произошло со мной за последние месяцы.

Я работал литсотрудником армейской газеты на Брянском фронте. Осенью прошлой я прошел через одно серьезное испытание, зимой же на нашем фронте было относительно спокойно, исключая действий отдельных отрядов, я работал в меру сил и вряд ли в меру способностей и целиком ушёл в армейские будни, со всеми их горестями и радостями. В начале мая я был по развёрстке Главпурка командирован на курсы усовершенствования газ[етных] работников в Иваново, пробыл в этом городе два месяца, много читал за это время, отдохнул от корреспондентской <...> несколько рассеялся и, ещё не успев кончить <...> (текст утрачен; угол письма оторван. - А.К.) был срочно вызван в Москву за новым назначением.

Я прожил в Москве 10 дней, безудержно радовался ей, радовался маме. Впервые увидел дочь, родившуюся без меня. Её назвали Ольгой. У неё синие глаза, как у меня.

Родные мои живут бедно и трудно — они хорошо помнят тебя и ещё лучше говорят о тебе.

Назначение я получил на Север; придёт время, и я в числе первых войду в твой город. Верю в это.

Работы пока немного — в газете мы занимаемся описаниями боевой учёбы, а это не самое трудное в профессии военного журналиста. Стихи я пишу редко, и большей частью они мне кажутся слишком бедными и недостаточными. Хорошо ли это? Вряд ли. Вот всё или почти всё, что следовало бы сказать о себе.

Сейчас, в дни самых тяжёлых испытаний для России, в самые трудные её дни, мне хочется сказать тебе, что я ещё сильнее верю в то, во что всегда верил,— в свободу, в счастье людское, в страну свою. Я хочу сейчас услышать и почувствовать с собою рядом тех, кого я любил и в кого я верил и кто дарил меня тем же. Тебя я любил и продолжаю любить, тебе я верил и верю, я помню тебя всё время, и я хочу говорить с тобой. Напиши мне.

Целую тебя, Оля. Жду письма.

Сергей.

Адрес: Действ. армия. 1571 полевая почта. Редакция газеты «Отвага» — мне. Оля, милая! Страшно жду письма. Скорее пиши его».

Военный брак Наровчатова был недолгим, его вторую жену звали Галина Николаевна. В послевоенные годы поэт истово трудился, но это были уже совсем другие стихи, не похожие на окопную правду. Он многое сделал для того, чтобы в литературу вошли новые поэты: помог Николаю Перовскому, Льву Котюкову...

Наровчатов не терял дружбы с Михаилом Лукониным (хотя встречались куда реже, чем на войне), и нетрудно представить, говорили они о том, что мирная жизнь оказалась далеко не такой радужной, как виделась на фронте. Поминали погибших поэтов, называли имена тех, кто вернулся с войны. А дома надо было терпеть, приспосабливаться. Геройство оказалось не востребованным в московской жизни: и в бытовой, и в литературной. Наровчатов, как бы оправдываясь, туманно говорил читателям: «У каждого своя жизнь, свои заботы, а у этой жизни и забот, связанных с ней, определённая логика...»

Но общения, того, откровенного, фронтового так хотелось. Не секрет, что Наровчатова часто можно было встретить в хмельной кампании: здесь можно было выговориться, отвести душу. Зато у власти он был вполне в почёте: после изгнания Твардовского с капитанского мостика в «Новом мире» место редактора главного литературного журнала страны предложили Наровчатову.

Тогда, по странному совпадению и оборвалась давняя, продолжавшаяся три десятилетия переписка с Ольгой Берггольц. Наверное, изменился не только Наровчатов, стала другой и его ленинградская собеседница. Невольно станешь куда строже и требовательнее к себе, когда твои слова «Никто не забыт, и ничто не забыто» высечены на граните Пискаревского кладбища, где покоятся сотни тысяч твоих современников, убитых войной. Та нить сердечного общения, которая выдержала испытание войной и временем, оказалась беззащитна перед чем-то другим.

Ольга Берггольц умерла в 1975 году, Сергей Наровчатов - в 1981-м. Даниил Гранин сказал когда-то: «Ольга Берггольц - особое явление, особая боль, любовь, гордость и ленинградцев, и петербуржцев. Она была красивым человеком. А голос её - поразительный голос». 20-летний московский студент,

приехавший в Крым накануне великой войны, не мог даже в тысячной степени предсказать, как продолжится то редкостное мгновение, когда он в тихом курортном посёлке увидит незнакомку: белые волосы, голубое платье...

Алексей КОНДРАТЕНКО.

- ¹ С. Наровчатов. Мы входим в жизнь // Избранные произведения. - Т. 2. - М.: Художественная литература, 1972. – С. 370.
- ² О. Берггольц. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 1. - Л., 1972. - С. 105.
- ³ С. Наровчатов. Мы входим в жизнь // Избранные произведения. Т. 2. - М.: Художественная литература, 1972. - С. 374.
- ⁴ Цит. по: Орловский край в художественной литературе, в мемуарах и письмах писателей. – Орел, 1972. – С. 150.
- ⁵ С. Наровчатов. Мы входим в жизнь. – М.: Советский писатель, 1978. – С. 139.
- ⁶ М. Луконин. Поиски. – В кн.: М. Луконин. Избранные произведения в 2-х тт. - Т. 2. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 222, 224.
- ⁷ С. Наровчатов. Мы входим в жизнь // Избранные произведения. - Т. 2. - М.: Художественная литература, 1972. - С. 374 .
- ⁸ Письма Сергея Наровчатова цитируются по тексту: Письма С.С. Наровчатова к О.Ф. Берггольц. Публикация Н.Г. Королёвой // Встречи с прошлым. Вып. 7. - М.: Советская Россия, 1990. - С. 408 — 440.
- ⁹ Выделенное жирным шрифтом не вошло в послевоенный текст, публикуемый в книгах.